

УДК 330.83

*А.П. Заостровцев***ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС: ЭКОНОМИСТ ОБ ИСТОРИИ**

Рассматривается воззрение на историю выдающегося австрийского экономиста и философа Людвиг фон Мизеса. Подчеркивается, что он был первым, кто обратил внимание на решающую роль идей как движущей силы исторического процесса. Такое видение роли идей обусловило выдвигание производного от них общественно-го мнения в качестве определяющего фактора общественных изменений. Мизес на примере ошибки старых либералов показал, что общественное мнение не формируется автоматически. То, что представляется интеллектуалам само собой разумеющимся, массы могут воспринять совсем иначе. Социалисты, подчеркивают Мизес и его последователь Хайек, в полной мере воспользовались этой ошибкой и сумели увлечь массы своими идеями. В статье взгляды Мизеса на общественное развитие обобщаются в виде так называемой триады Мизеса. Роль первичного импульса отводится идеям, ценностям, умонастроениям. Производными от них являются общественные институты. И лишь в конце этой цепочки стоят технологии, которые определяются институтами. На этой основе Мизес строит свою «экономику развития»: вопреки доминирующему сегодня мнению он полагает, что развитие невозможно без адаптации идейного наследия Запада, которое отнюдь не нейтрально к его материальным достижениям.

Ключевые слова: история, идеи, интенциональность, интересы, общественное мнение, методологический дуализм, австрийская школа.

Введение

Австрийская экономическая школа не только полемизирует с неоклассикой, но и развивает свою позитивную программу исследований. Так, в частности, она отмечает, что теория экономического роста и отсталости была сформулирована «без учета единственных подлинных героев этого процесса: людей, их бдительности и творческой предприимчивости» [9. С. 152-153]. Отсюда ставится задача:

«...Перестроить всю теорию роста и экономической отсталости, устранив элементы, служащие оправданием институционального принуждения и делающие эту теорию не только бесполезной, но и опасной. Необходимо сосредоточиться на теоретическом исследовании процессов обнаружения возможностей развития, которые остаются незамеченными из-за недостатка предпринимательского элемента, являющегося ключом к преодолению экономической отсталости» [9. С. 153].

На сегодняшний день нельзя сказать, что австрийская школа полностью выполнила эту миссию. Однако она заложила такое видение истории и процессов, ведущих как к прогрессу, так и к упадку, что дальнейшее продвижение в области создания экономики развития, свободной от неоклассических догм, просто вопрос времени. Тем более что нигде провалы экономического мейнстрима не заметны так явно, как тогда, когда речь заходит, говоря языком Адама Смита, «о природе и причинах богатства народов» (добавим: богатства одних народов и бедности – других).

Людвиг фон Мизес был первым из австрийцев, кто обратил самое пристальное внимание на историю¹. И первым, кто особо выделил то, на что экономисты стали обращать внимание никак не ранее 80-х гг. XX в.: идеи, которые живут в людях и которые управляют ими. С ними (а точнее, их смелой) он связал ход истории.

История по Мизесу

Идеи творят историю, а не наоборот [6. С. 81]

Нет никаких сомнений в том, что в центре внимания должна быть книга Мизеса 1957 г. «Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции» [5]. В предисловии к работе, написанном другим известным представителем австрийской школы и его учеником Мюреем Ротбардом (1926–1995), подчеркивается: «В основе подхода Мизеса и праксиологии лежит концепция, с которой

¹ Мизесу посвящена прекрасная книга Йорга Гвидо Хюльсманна [11]. Поэтому есть смысл не представлять здесь этого великого мыслителя XX в., а всем интересующимся его биографией и, главное, творчеством посоветовать обратиться к данной работе.

он начинает «Теорию и историю»: методологический дуализм, ключевое положение о том, что способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов или молекул. Почему? Очень просто: потому, что сущность людей состоит в том, что они имеют цели и намерения и что они пытаются достичь этих целей» [7. С. XII].

В то же время камни, атомы и планеты не делают выбор, не меняют своих намерений, поэтому можно вычертить их курсы и предсказать траектории. Люди же, напротив, каждый день учатся, обретают новые ценности и цели, изменяют свои планы; поэтому в отношении людей невозможно сформулировать предсказания. Однако, несмотря на это, экономическая наука, как отмечал Ротбард, страдает тем, что Мизес называл «сциентизмом» – идеей о том, «что единственным подлинно “научным подходом” к изучению человека является подражание подходу физических наук...» [7. С. XIII]². Сциентизм недопустим и в объяснении истории³. В отличие от естественных наук, «в человеческой истории мы, сами, будучи людьми, уже знаем причины событий; а именно, тот первичный факт, что люди имеют цели и намерения и действуют, чтобы их достичь» [7. С. XV].

Любое историческое событие представляет собой уникальную равнодействующую множества этих причинных факторов (действий разных людей, обладающих свободой воли и выбора). В силу этого оно уникально, а значит, его невозможно «тестировать» посредством сличения с однородными событиями. Отсюда Мизес резко выступал против детерминизма и предсказуемости в анализе развития общественных событий⁴.

Понимание истории Мизесом, разумеется, лучше всего представлено им самим.

«История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность – это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что – менее удовлетворительными обстоятельствами, а также – к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, идеи являются главной темой изучения истории. Идеи не представляют собой постоянного запаса, неизменного и существующего от начала вещей. Любая идея зародилась в определенной точке времени и пространства в голове индивида. (Разумеется, постоянно случается так, что одна и та же идея независимо появляется в головах разных индивидов в разных точках пространства и времени.) Возникновение каждой новой идеи суть инновация; это добавляет нечто новое и прежде неизвестное к ходу мировых событий. Причина, по которой история не повторяется, состоит в том, что каждое историческое событие – это достижение цели действия идей, отличающихся от тех, которые действовали в других исторических состояниях» [5. С. 200-201].

Итак, из рассуждений Мизеса явно следуют две логические связки: во-первых, человеческую деятельность, творящую историю, определяют идеи; во-вторых, идеи суть инновации, следовательно, и определяемое ими историческое событие не схоже с другими (можно сказать, «инновационно»). В этом, кстати, можно видеть и дополнительное разъяснение причины непредсказуемости истории.

Попутно Мизес ведет полемику с британским историком Арнольдом Тойнби (1889–1975). В ней Мизес исходит из того, что сущность цивилизации составляют идеи. «Если мы попытаемся разграничить различные цивилизации, то *differentia specifica* может быть найден только в различном смысле идей, который их определяет» [5. С. 201]. И далее еще раз подчеркивает: «В “теле” цивилизации невозможно обнаружить никаких сил, которые не были бы результатом их специфических идеологий» [5. С. 202]. А раз так, то утверждение Тойнби о том, что любая цивилизация проходит последовательно неизбежные стадии, не может быть принято. «Цивилизации несопоставимы и несоизмеримы, поскольку они приводятся в движение разными идеями и поэтому развиваются по-разному» [5. С. 201-202].

Возражая немецкому философу Освальду Шпенглеру (1880–1936), Мизес не разделяет его зрения на причину упадка западной цивилизации, хотя и соглашается в принципе с выводом о том, что таковой происходит. Однако причина его совсем не в некоей таинственной природе цивилизации, уподобляемой Шпенглером и Тойнби живому существу, а в природе идей, владеющих принадлежа-

² Заметим, что сегодня тем же самым «сциентизмом» страдает не только экономика, окончательно превратившаяся в разновидность приложения различных математических дисциплин, но и социология, политология и даже история в лице клиометрики. Подробнее о кризисе «сциентизма» см.: [1].

³ Мизес рассматривал все общественные науки как части единого учения – праксиологии, которую определял как общую теорию человеческой деятельности [6. С. 10]. Не случайно его главный фундаментальный труд называется «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории» (1949).

⁴ За исключением прогнозов негативных последствий государственного интервенционизма.

щими к ней людьми. «Действительно, – пишет Мизес, – западная цивилизация приходит в упадок. Но ее упадок заключается как раз в одобрении антикапиталистических убеждений» [5. С. 199]. Отсюда можно заключить, что согласно Мизесу именно содержание идей (убеждений) в решающей мере определяет судьбу цивилизаций.

Мизес в определении роли и значения идей становится на позицию, которая диаметрально противоположна учению Карла Маркса (1818–1883) в этом вопросе. Если у последнего конечным источником общественной динамики оказывается то, что он называл производительными силами (говоря более современным языком, это природные ресурсы, технологии, физический и человеческий капитал), а идеи идут в самом конце каузальной цепочки и, таким образом, являются целиком определяемым фактором, то Мизес поступил ровно наоборот. В той же «Теории и истории» он в основу всего положил именно идеи. «Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все, что называется экономическими условиями» [5. С. 167].

Это положение в развернутом виде излагается Мизесом применительно к проблеме развития и отсталости стран и народов. Цитируемый ниже абзац из работы «Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война» можно даже назвать «экономикой развития по Мизесу».

«Простое знакомство с западными методами производства, транспортировки и маркетинга ничем не смогло бы помочь отсталым народам. Они не располагали капиталом, требующимся для освоения всего этого. Западную технику имитировать не трудно. Но было почти невозможно трансплантировать умонастроения и идеологию, создавшую социальную, правовую, конституционную и политическую атмосферу, давшую жизнь этому современному технологическому прогрессу. Легче скопировать современный завод, чем окружающую обстановку, способствующую накоплению капиталов внутри страны. Новую промышленную систему породил новый дух либерализма и капитализма. Она стала следствием умонастроения, для которого удовлетворение нужд потребителей важнее, чем войны, завоевания, сохранение древних обычаев. Главной отличительной особенностью развитого Запада была не техника, а моральная атмосфера, поощрявшая бережливость, образование капитала, предпринимательство и мирную конкуренцию» [4. С. 144].

Прочитав этот текст, можно только удивляться, насколько Мизес смог опередить время: в далекие 40-е гг. XX в. он, по сути, заложил большинство идей, которые сформировали такое направление экономической мысли, как новая институциональная экономическая история примерно 40–50 лет спустя. Он протягивает цепочку от умонастроений и идей к «социальной, правовой, конституционной и политической атмосфере» (иначе говоря, к соответствующим институтам) и уже от них – к технологическому прогрессу. Его антимарксистская триада выглядит как марксистская, но поставленная с ног на голову (рис.)

Рис. Мизесовская триада (каузальная связь)

При этом Мизес подчеркивал, что именно идеи определяют интересы, которые, в свою очередь, определяют характер действий людей. «В мире реальной действительности, обстоятельства которого только и являются объектом научного поиска, идеи определяют то, что, как считает человек, будет соответствовать его интересам. Интересов, не зависящих от идей, не существует. Именно идеи определяют то, что люди рассматривают в качестве своих интересов. Свободные люди действуют не в своих интересах. Они действуют в соответствии с тем, что, как они считают, будет способствовать их интересам» [5. С. 126]. Таким образом, этот пассаж можно переформулировать приблизительно так: интерес – это то, что человек мыслит (представляет себе) в качестве такового⁵.

⁵ Эту же мысль Мизес подчеркивает неоднократно в полемике с учением Маркса: «В мире реальности, жизни и человеческой деятельности не существует интересов, которые не зависят от идей, предшествующих им как по времени, так и логически. То, что человек считает своим интересом, является результатом его идей» [5. С. 124]; «...Неразумно провозглашать, что идеи являются продуктами интересов. Идеи говорят человеку, в чем состоят его интересы» [5. С. 122].

Следовательно, человеческая деятельность есть производное от идей; последние являются для нее движущей силой. Поэтому для Мизеса история – это в конечном счете история идей. «В мире Мизеса, где все явления и мысли были обязательным следствием предшествующих причин, идеи были главным динамичным элементом эволюции общества» [11. С. 690].

Однако что определяет сами идеи, где их первоисточник? И тут Мизес снова напоминает Маркса, но только с той принципиальной разницей, что у последнего производительные силы являются конечной данностью, тогда как Мизес в качестве таковой объявляет идеи. «Для наук о человеческой деятельности конечной данностью являются ценностные суждения действующих субъектов и идеи, порождающие эти ценностные суждения» [5. С. 275]. Они представляют собой конечную данность, так как «их нельзя представить в виде необходимых следствий чего-либо еще» [5. С. 279]⁶. «Идеи, – констатирует Мизес, – конечная данность исторического исследования. Об идеях можно сказать только то, что они появились» [5. С. 167].

Конечно, можно проследивать путь возникновения той или иной идеи («три источника и три составные части марксизма»). Можно сказать, что идея *A* отталкивается от идеи *B* и связана с идеей *C*. Однако «возникновение идеи суть инновация, новый факт, добавленный к миру» [5. С. 85]. Марксизм не есть то же самое, что и три его источника, не сводится к ним. В поисках происхождения идей «мы неизбежно приходим к точке, в которой все, что можно утверждать, – это то, что у человека возникла идея» [5. С. 167].

Эта философская основа взглядов Мизеса помогает глубже понять и многие базовые установки австрийской экономической школы. Прежде всего, принципиальную невозможность прогнозирования будущего. Ведь новые идеи появляются неожиданно. Ну а раз управляющие человеческой деятельностью идеи возникают спонтанно, то ничего нельзя сказать и о ее результатах в будущем. «Все доктрины, стремящиеся обнаружить в человеческой истории определенную тенденцию изменений, расходятся с исторически установленными фактами в том, что касается прошлого, а там, где пытались предсказать будущее, – опровергнуты последующими событиями» [5. С. 324].

В результате становится более понятным и отторжение австрийской экономической школой применения методов естественных наук (в первую очередь математики) к моделированию человеческой деятельности⁷. Реакции в естественной природе характеризуются регулярностью, повторяемостью (вода закипает и испаряется при температуре 100 °С, превращается в твердое состояние при минусовой температуре по Цельсию). Каковы были бы возможности математического описания реакций воды на изменение температуры, если бы она каждый раз вела себя по-разному? А ведь именно такой «нерегулярностью» отличается человеческая деятельность. И в особенности та, что определяет исторический процесс⁸.

Тут будет уместно заметить, что сама по себе идея не способна двигать историю. Идея не рождается в массах, она – продукт индивидуального творчества (так, к примеру, марксизм – не есть порождение некоего мистического коллективного разума пролетариата). Однако однажды рожденные кем-то идеи воспринимаются другими людьми и могут трансформироваться в их ценности⁹. Сквозь призму своих ценностей человек видит мир, выстраивает систему предпочтений (например, капитализм, частная собственность – плохо; социализм, общественная собственность – хорошо). При этом

⁶ «Результат умственных усилий людей, т. е. идеи и ценностные суждения, направляющие действия индивидов, нельзя проследить до их причин, и в этом смысле они являются конечными данными» [5. С. 67].

⁷ Комментируя «Теорию и историю» Мизеса, Хюльсманн также обращает внимание на то, что именно по причине определяющего характера идей «общественные науки, по крайней мере в настоящее время, не могут быть объединены с естественными науками в единую систему научного знания» [11. С. 682].

⁸ В знаменитой книге американского специалиста в области квантовой физики и выдающегося финансиста Нассима Талеба «Черный Лебедь. Под знаком непредсказуемости» убедительно показана неадекватность применяемых экономистами математических моделей и статистических инструментов (прежде всего гауссовского распределения вероятностей) к анализу социальных процессов, где решающую роль играют неожиданные события взрывного характера и их последствия [8].

⁹ Другой классик австрийской школы XX в. – Фридрих фон Хайек (1899–1992) – в статье «Интеллектуалы и социализм» обратил внимание на эту особенность возникновения и распространения социалистических идей. «Социализм нигде и никогда не был изначально рабочим движением» [10. С. 229]. И далее он писал о нем: «Это построения теоретиков, выросшие из некоторых тенденций развития абстрактных размышлений, с которыми были знакомы только интеллектуалы. И прежде чем удалось убедить рабочий класс включить социализм в свою программу, потребовались длительные усилия интеллектуалов» [10. С. 229–230].

абсолютное большинство людей берут свои ценности не непосредственно из идей, а из ценностей социального окружения (если использовать медицинский термин, то можно сказать, что они являются «заразными» продуктами). Широко распространившаяся и устоявшаяся ценность приобретает силу общественного мнения.

Мизес особо подчеркивает заслуги Дэвида Юма (1711–1776), а также Джона Стюарта Милля (1806–1873) и Алексиса де Токвиля (1805–1859) как указывавших на общественное мнение в качестве силы, отвечающей за характер правления [5. С. 57]. В свою очередь, сам он пишет: «Правительства не могут быть свободными от давления общественного мнения. Они не могут сопротивляться господству всеми разделяемой идеологии, пусть и ошибочной» [6. С. 744]. И «общественная система, какой бы полезной она ни была, не может работать, если ее не поддерживает общественное мнение» [6. С. 744].

В результате Мизес выносит следующий вердикт: «Массы лишь делают выбор между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества. Но их выбор окончателен и определяет ход событий» [6. С. 811].

Идеи для Мизеса, разумеется, не есть нечто застывшее, раз и навсегда данное. Иначе, как легко увидеть из вышеизложенной логики его подхода, ему пришлось бы признать «конец истории». «Идеи не представляют собой постоянного запаса, неизменного и существующего от начала вещей» [5. С. 201]. Однако «экономисты всегда отдавали себе отчет в том, что эволюция идей – медленный, требующий много времени процесс» [5. С. 194].

Философия австрийской экономической школы категорически не позволяет выставить что-либо как некий образец совершенного состояния и с ним сопоставлять реальное положение вещей и ход истории¹⁰. Это противоречило бы одному из ее базовых методологических принципов – знаменитой доктрине *Wertfreiheit* (свободы от ценностей). Ведь ценности людей как таковые не сопоставимы. Поэтому экономист «оценивает положение вещей с точки зрения действующих людей. Он называет более хорошим или более плохим то, что представляется таковым на их взгляд. Таким образом, капитализм означает прогресс, так как ведет к прогрессивному улучшению материальных условий жизни постоянно увеличивающегося населения» [5. С. 152].

Итак, исторический прогресс – это то, что люди считают таковым. Поскольку люди в абсолютном большинстве ценят улучшение условий жизни, то таковое и есть прогресс. При этом прогрессом является и все то новое (от социальных учений и отношений до технологий и оборудования), что обеспечивает это улучшение.

Однако это вовсе не означает, что людской разум в массе своей поймет неразрывную связь цели и средства и будет ценить последнее (тот же капитализм). В недопущении возможности разрыва логической связки «цели–средства» в массовом сознании и крылось то, что Мизес назвал «иллюзиями старых либералов», которые пали жертвой ошибочной доктрины «несокрушимой мощи разума». «Они беспечно полагали: то, что является разумным, пробьет себе дорогу просто за счет своей разумности. Они никогда не задумывались о возможности того, что общественное мнение может благоволить ложным идеологиям, воплощение которых будет вредить благосостоянию и разрушать общественное сотрудничество» [6. С. 811]¹¹.

Как видим, здесь Мизес говорит о том, что общественное мнение (умонастроение) может быть столь мощной разрушительной силой, что люди отторгают то, что обеспечивает им благополучие. Причем, как известно, оно не оказывается каким-то кратковременным заблуждением, а определяет целую эпоху.

Это положение Мизеса развивается Хайеком, который обращает внимание на значимость исторических мифов. «В формировании взглядов исторические мифы, вероятно, играли столь же значительную роль, что и исторические факты» [10. С. 8]. Он показывает механизм проникновения созданного интеллектуалами мифа в сознание масс через цепочку ретрансляторов (газеты, кинофильмы,

¹⁰ Попутно заметим, что противоположный подход Мизес презрительно называл «химерой совершенного состояния человечества», относя сюда не только доктрины идеального общества (подобные коммунизму у Маркса), но и вальрасовскую концепцию общего равновесия [5. С. 324–329]. «Предположение о том, что история устремлена к осуществлению совершенного состояния, равносильно утверждению, что история скоро закончится» [5. С. 324].

¹¹ Причины настроя общественного мнения против капитализма Мизес представил в работе «Антикапиталистическая ментальность» [3. С. 169–231].

романы, школа, политические речи и даже обычные беседы)¹². Причем люди впитывают эти мифы бессознательно, автоматически. «Большинство людей очень удивилось бы, узнав, что большинство их мнений по всем этим предметам вовсе не бесспорно установленные факты, а мифы, запущенные в оборот из политических соображений и затем распространенные вполне добросовестными людьми, чьим общим убеждениям они соответствуют» [10. С. 13].

Хорошим дополнением к словам Мизеса об иллюзии старых либералов служит тезис Хайека об «отважном утопизме социалистов».

«Успех социалистов должен научить нас (либералов. – А.З.) тому, что именно их отважный утопизм обеспечил им поддержку интеллектуалов и влияние на общественное мнение, которое ежедневно делает возможным то, что еще вчера казалось невозможным. Те, кто ограничивал себя только практически возможным (при данном состоянии общественного мнения), постоянно обнаруживали, что их усилия делаются политически нереализуемыми из-за изменения общественного мнения, которое они и не пытались направлять» [10. С. 258].

Отсюда Хайек делает практический вывод о том, что нужно либералам для реализации своего идеала. «Нам нужна либеральная утопия, нужна программа...; нужен истинно либеральный радикализм, который не пощадит чувствительности властей предрержащих (в том числе профсоюзов), не будет чрезмерно практичным и не ограничит свои задачи только политически реализуемыми» [10. С. 257]. Это очень напоминает лозунг французской бунтующей молодежи в 1968 г.: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»

Завершая разговор о теории и истории по Мизесу, есть смысл снова обратиться к приложению его философии к проблеме развития и отсталости, в частности к его рассуждениям об отсутствии нейтральности между передовой техникой и мировоззрением, идеологиями, верованиями (сегодня бы сказали – культурой) отсталых народов.

«Многие представители этих народов заявляют, что они хотят скопировать только материальную культуру Запада, но даже это сделать только постольку, поскольку это не будет противоречить их местным идеологиям и не подвергнет опасности их религиозные верования и обычаи. Они не понимают, что перенимание того, что они уничижительно называют всего лишь материальными достижениями Запада, несовместимо с сохранением их традиционных обрядов и табу, а также их привычного образа жизни. Они впадают в иллюзию, что их народы могут позаимствовать технологию Запада и достигнуть более высокого материального уровня жизни без того, чтобы сначала в процессе *Kulturkampf* избавиться от мировоззрения и нравов, унаследованных от предков. Они утверждают в своей ошибке благодаря социалистической доктрине, также не способной осознать, что материальные и технологические достижения Запада вызваны философиями рационализма, индивидуализма и утилитаризма и непременно исчезнут, если коллективистские и тоталитарные догмы приведут к замене капитализма на социализм» [5. С. 299].

Этот мизесовский текст примечателен, с нашей точки зрения, как минимум в двух отношениях. Во-первых, как и предыдущая цитированная нами большая выдержка из Мизеса, она, намного опережая экономическую мысль его времени, выдвигает модный лишь с относительно недавних пор тезис о так называемой культурной ловушке – когда присущая тому или иному народу культура становится барьером для преодоления его неспособности к успешному развитию, модернизации. Во-вторых, в споре между теми, кто полагает невозможность модернизации без вестернизации, и теми, кто, обращаясь к опыту ряда далеких от западных идеалов, но быстроразвивающихся стран, говорит обратное, Мизес однозначно на стороне первых. Сегодня в этой полемике часто отстаивается вторая точка зрения¹³, однако, как мы знаем (в том числе и из Мизеса), история не есть заложенная в человечество программа, а потому очевидное сегодня может обернуться совсем неочевидным завтра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заостровцев А.П. Неоклассический мейнстрим: торжество научного метода или нищета философии? // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2013. Вып. 2. С. 31-36.
2. Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007. 338 с.

¹² Это положение Хайека нашло свое воплощение в целой теории влияния риторики на историю и экономическое развитие народов, представленной в сравнительно недавно вышедшей книге Дейдры Макклоски [12].

¹³ См., например: [2].

3. фон Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. 240 с.
4. фон Мизес Л. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006. 466 с.
5. фон Мизес Л. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007. 374 с.
6. фон Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
7. Ротбард М. Предисловие // фон Мизес Л. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007. С. XI–VIII.
8. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 736 с.
9. Уэрто де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2007. 202 с.
10. Хайек Ф. Капитализм и историки. Челябинск: Социум, 2012.
11. Хюльсманн Й.Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М.; Челябинск: Социум, 2013. 879 с.
12. McCloskey D.N. Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago (IL): University of Chicago Press, 2010. 571 p.

Поступила в редакцию 18.11.14

A.P. Zaostrovtssev

LUDWIG VON MISES: ECONOMIST ABOUT HISTORY

The article considers the view of the great Austrian economist and philosopher Ludwig von Mises on history. The author especially emphasizes that Mises was the first who drew attention to the crucial role of ideas as the driving force of the historical process. Such vision of the role of ideas led to the proclaiming public opinion as the determining factor of social changes. By the example of the old liberals' mistake, Mises showed that public opinion is not formed automatically. What seems obvious to intellectuals can be perceived by masses quite differently. Socialists, as emphasized by Mises and his follower Hayek, took full advantage of this mistake and managed to captivate the masses by their ideas. Mises' views on social development are summarized in the form of so-called "Mises triad". The role of a primary impulse is given to the ideas, values, mindsets. Public institutions are derived from them. And only at the end of this chain there are technologies determined by institutions. On this basis, Mises builds his "economics of development": contrary to the dominant view of our time, he believes that the development is not possible without adoption of the western ideas and beliefs, which are not neutral to the material achievements of the West.

Keywords: history, ideas, intentionality, interests, public opinion, methodological dualism, the Austrian School.

Заостровцев Андрей Павлович,
кандидат экономических наук, профессор

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики – Санкт-Петербург
190008, Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Союза Печатников, 16

Научный сотрудник Центра исследований модернизации
в Европейском университете в Санкт-Петербурге
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
E-mail: zao-and@yandex.ru

Zaostrovtssev A.P.,
Candidate of Economics, Professor

National Research University –
Higher School of Economics – St.Petersburg.
190008, Russia, St. Petersburg,
Soyuza Pechatnikov st., 16

Research fellow in the Center For Modernization Studies
European University in St.Petersburg.
191187, Russia, St. Petersburg, Gagarinskaya, 3
E-mail: zao-and@yandex.ru